

На правах рукописи

ЕФИМОВА Валерия Сергеевна

**Старославянская
словообразовательная
морфемика**

Специальность 10.02.03 – Славянские языки

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва 2006

Работа выполнена в Отделе славянского языкознания
Института славяноведения Российской академии наук

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук С.М. Толстая
доктор филологических наук Е.М. Верещагин
доктор филологических наук Г.А. Лилич

Ведущая организация – **Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова**, филологический факультет, кафедра славянской филологии

Защита диссертации состоится **10 октября 2006 г.** в 15.00 час. на заседании диссертационного совета Д 002.248.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Институте славяноведения РАН по адресу: *119334 Москва, Ленинский проспект 32а, корпус "В", 9 этаж (ауд. 901–902).*

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном совете Института славяноведения РАН.

Автореферат разослан 22 августа 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

Н.М. Куренная

© Институт славяноведения РАН, 2006 г.

На правах рукописи

ЕФИМОВА Валерия Сергеевна

**Старославянская
словообразовательная
морфемика**

Специальность 10.02.03 – Славянские языки

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва 2006

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Предметом настоящего диссертационного исследования является словообразовательная морфемика старославянского языка. Различные словообразовательные процессы в старославянском языке рассматриваются нами сквозь призму изучения функционирования в нем словообразовательных морфем.

Созданный усилиями свв. Кирилла и Мефодия и их учеников и последователей, старославянский язык в качестве первого письменно-литературного языка славян в большей или меньшей степени, непосредственно или опосредованно, но оказал влияние на формирование и развитие почти всех славянских литературных языков, в том числе и на формирование их словообразовательной морфемки. В силу этого изучение как самого старославянского языка, так и его наследия в современных славянских литературных языках и национальных славянских культурах, выявляющее глубинные начала, объединяющие и в наше время славянские народы, остается одной из наиболее актуальных задач славянского языкознания.

Современные исследователи вкладывают в понятие «старославянский язык» разное содержание, в результате чего сам термин «старославянский язык» — хотя и широко употребляемый — не является однозначным. Не вдаваясь в подробности долгой и, кажется, отнюдь не законченной дискуссии (см., например, обзор, сделанный в 1987 г. Р. М. Цейтлин в статье «О содержании термина “старославянский язык”» в ж. «Вопросы языкознания»), обозначим здесь лишь свой взгляд на данную проблему. По нашему мнению,

представляется вполне правомерным применение термина «старославянский язык» по отношению к языковой системе, сложившейся в качестве единого структурного целого в IX — начале XI вв. и отраженной в ряде рукописей X—XI вв., которые обычно принято называть «классическими старославянскими» или «рукописями старославянского канона», т. е. в ряде рукописей, язык которых палеослависты бесспорно определяют как старославянский. К ним относятся Зографское четвероевангелие, Маринское четвероевангелие, Ассеманево евангелие-апракос, Саввина книга, Охридские листки, Листки Ундольского, Зографский палимпсест, Боянское евангелие-апракос, Енинский апостол, Синайская псалтырь, Киевские листки, Синайский евхологий и Синайский служебник, Клоцов сборник, Супрасльская рукопись, Хиландарские листки, Рыльские листки, Зографские листки. Именно эту языковую систему, по нашему мнению, следует считать старославянским языком¹ — ранним этапом древнеславянского языка, существовавшего затем в совокупности разных «пзводов», но в то же время единого, общего литературного языка всех славян¹, а зафиксированный в указанных рукописях лексический инвентарь — наиболее надежно установленной частью старославянского лексического инвентаря².

Несмотря на очевидную актуальность палеославистических исследований, старославянское словообразование остается до

¹ Такое понимание феномена «старославянский язык» находим у Н. И. Толстого (см. его монографию «История и структура славянских литературных языков» 1988 г., с. 34–52, особенно с. 47).

² Вопрос о доступности старославянского лексического инвентаря для исследования рассматривается в Главе 2.

сих пор очень мало изученной областью славянского языкознания. Некоторые сведения о старославянских словообразовательных морфемах представлены в грамматиках и учебных пособиях (А. М. Селищева, А. Вайана, Г. А. Хабургаева, в «Грамматика на старобългарския език», изданной в Софии в 1991 г., и др.). Вопросы словообразования отдельных частей речи в старославянском языке в большей или меньшей мере разрабатывались в ряде работ (в монографиях М. Бродовской-Гоновской 1960 г., А. Е. Супруна 1961 г., Р. М. Цейтлин 1977 г., в статье Я. Яна 1967 г., и др.), однако эти работы далеки от комплексного и системного изучения старославянской словообразовательной морфемки. На сегодняшний день наиболее полное представление о старославянском словообразовании можно получить из книги Г. Бирнбаума и Й. Шекена «Das altkirchenslavische Wort: Bildung — Bedeutung — Herleitung» 1997 г., но и данное там описание не выходит за рамки довольно краткого обзора. При существующей в настоящее время степени разработанности этой проблематики непосредственными предшественниками нашего исследования можно считать труды А. Ме́йе начала XX века — «Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave» (Ч. I — 1902 г.; Ч. II. — 1905 г.) и «Le slave commun» (первое издание — 1924 г.). В своей работе во многом мы опирались также на 4-й том «Сравнительной грамматики славянских языков» («Grammaire comparée des langues slaves. La formation des noms») А. Вайана.

Цель настоящего диссертационного исследования — на основе анализа старославянского лексического инвентаря дать описание старославянской словообразовательной морфемки.

Решением этой задачи представлялось вначале создание стандартного описания в рамках сложившихся к настоящему времени представлений в области словообразовательной теории на основе обработки по специально разработанной компьютерной программе словника вышедшего в 1994 г. «Старославянского словаря (по рукописям X–XI вв.)» под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой (далее Словарь 1994), в который был полностью включен лексический материал рукописей «классического старославянского канона». Однако в ходе работы становилось все более очевидным, что компьютерная обработка словника Словаря 1994 может быть лишь первоначальным этапом исследования. Адекватное же описание старославянской словообразовательной системы вообще и словообразовательной морфемик в частности требует как привлечения к анализу материалов гораздо более обширных, чем представленные в Словаре 1994, так и дополнительной разработки вопросов теоретического характера.

Теоретическая значимость и новизна данной работы заключаются в определении проблем изучения старославянского словообразования и предложении адекватных методов и принципов его исследования, а также практическом применении этих методов и принципов для опыта описания старославянской словообразовательной морфемик. Вопросы, без решения которых исследование старославянского словообразования представляется невозможным, рассматриваются в двух первых главах диссертации — «Особенности изучения словообразовательных механизмов в старославянском языке как литературном языке раннего славянского средневековья» и «Проблемы реконструкции лексического фонда

старославянского языка и принципы морфемного членения старославянских лексических единиц». На основе изложенных в них принципов исследования и методик анализа языкового материала нами был изучен старославянский лексический инвентарь с целью получить описание старославянской словообразовательной морфемки, которое и дается в последующих главах (с третьей по пятую). Разделы этих глав посвящены рассмотрению функционирования словообразовательных морфем существительного, прилагательного и наречия. (Исследование словообразования старославянского глагола, теснейшим образом связанное с исследованием его аспектологии, требует отдельного описания и не включается в настоящую диссертацию.) Словообразовательные морфемы, почерпнутые старославянским языком из общеславянского арсенала, функционировали и в словах, вошедших в этот язык из народной славянской речи, и в собственно старославянских новообразованиях. Свою задачу мы видели как в выявлении условий функционирования каждой конкретной словообразовательной морфемы, так и в определении ее места в словообразовательном механизме старославянского языка.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В исследовании старославянского словообразования и, в частности, для описания старославянской словообразовательной морфемки необходим подход к старославянскому языку как к литературному языку особого — средневекового — типа. При этом старославянский лексический инвентарь следует дифференцировать на лексику, вошедшую в старославянский язык из народной славянской речи, и новую лексику — заимствованную и создававшуюся самими древними книжниками на базе славянских или

греческих корневых морфем с помощью славянских словообразовательных морфем.

2. Старославянское словообразование и старославянская словообразовательная морфемика не могут быть исследованы и адекватно описаны без учета влияния на их формирование языка греческих оригиналов старославянских текстов.

3. Греческий язык следует рассматривать как непосредственно участвующий в старославянских словообразовательных процедурах: в процессе перевода для создания новых старославянских слов использовались не только основы греческого происхождения, но и сами греческие лексемы, извлекаемые из текстов греческих оригиналов.

4. Старославянское калькирование, на примере которого традиционно изучалось влияние греческого языка на формирование старославянской лексики, представляло собой относительно самостоятельную старославянскую словообразовательную процедуру, требующую исследования в качестве неотъемлемой части старославянского словообразовательного механизма.

5. В анализ старославянского материала необходимо введение фигуры «древнего книжника», что обуславливается особой языковой ситуацией на славянских землях той эпохи и структурой социальной базы старославянского языка.

6. Наличие в старославянском словообразовании специфических явлений, которые мы называем «удвоенной аффиксацией» и «обновленцем», связано с активным словотворчеством древних книжников.

7. При определении продуктивности и конкурентоспособности старославянских словообразовательных морфем необходим учет

факторов, релевантных для старославянского языка как языка средневекового, — сочетаемость морфем с основами греческого происхождения, частотность производных старославянских слов в конкретных рукописях, текстологические свидетельства.

8. Ввиду фрагментарности фиксации лексической системы старославянского языка, реально существовавшей в IX – начале XI вв., исследование старославянского словообразования требует максимального расширения объема анализируемого языкового материала за счет реконструкции старославянского лексического инвентаря.

9. Восстановление тех или иных звеньев лексической и словообразовательной систем старославянского языка может осуществляться только с большей или меньшей степенью вероятности.

10. Круг лексики предположительно старославянской (т. е. старославянской лексики, не засвидетельствованной собственно старославянскими рукописями) должен выявляться путем сопоставительных исследований лексического материала возможно более широкого круга списков, восходящих к оригиналам, написанным старославянским языком, но не сохранившимся до нашего времени в списках X–XI вв., которые принято считать «классическими старославянскими» рукописями. Наличие лексемы в разных местах более поздних списков разных произведений и, особенно, списков разных изводов уменьшает возможность рассматривать ее как внесенную в процессе движения текста по спискам и указывает на большую вероятность принадлежности ее к старославянскому лексическому инвентарю.

11. В условиях ограниченности объема дошедшего до нашего времени старославянского языкового материала процедуру

сегментации старославянских лексем целесообразно начинать не на основе определения отношений словообразовательной мотивации (как это принято для синхронного анализа современных живых языков), а с установления актуальных для старославянского языка семантических связей у лексем, представляющих собой «осколки» гнезд этимологически однокоренных слов, с последующим применением метода сопоставления, предусматривающего анализ слова в кругу слов, содержащих тождественные сегменты (корни и аффиксы).

12. Древнему состоянию языка релевантен такой подход к идентификации словообразовательных морфем, при котором материально идентичные или близкие (по составу фонем) аффиксальные морфы рассматриваются как морфы единой морфемы, — вне зависимости от частеречной принадлежности производящих основ или родовой принадлежности или принадлежности категории одушевленности производных слов. Использование данного подхода важно также для понимания функциональной динамики славянских словообразовательных морфем и перераспределения их функциональной нагрузки в старославянском языке; построение же классификации словообразовательных типов на базе мотивационных отношений для старославянского материала нецелесообразно.

Источники материала. Объектом сплошного анализа в диссертационном исследовании является лексический инвентарь «классических старославянских» рукописей, положенный в основу словника Словаря 1994. В толковании значений старославянских слов мы также ориентировались на этот словарь. Там, где лексические значения, по нашему мнению, требуют уточнений, это оговаривается особо. Параллельный греческий текст к старославян-

ским рукописям извлекается из изданий: *Merk A. S. J. Novum Testamentum graece et latine: Apparatu critico instructum* edidit Augustinus Merk S. J. Ed. 10. Romae, 1984; Nestle 1950: *Nestle E. Novum Testamentum graece*. 20. Aufl. Stuttgart, 1950; *Заимов Ђ, Каналдо М.* Супрасълски или Ретков сборник. В 2 т. София, 1982–1983; *Frček J. Euchologium Sinaiticum // Patrologia orientalis*. Т. XXIV. Paris, 1933. Т. XXV. Paris, 1939; *Минчева А.* Старобългарски кирилски откъслещи. София, 1978. Дополнительный лексический материал привлекается нами — на условиях, рассмотренных в Главе 2, — из более поздних рукописей разных изводов и разного рода словарей (см. разделы диссертации «Принятые сокращения» и «Библиография»). Среди последних особо важным источником служит издававшийся в Праге в течение сорока лет (с 1958 по 1997 гг.) «*Slovník jazyka staroslověnského*. Т. I–IV». Из более поздних рукописей нами используются, главным образом, те, происхождение которых от старославянских протографов палеославистикой бесспорно установлено. В редких случаях для специально оговоренных целей привлекается материал и из рукописей, к старославянским протографам не восходящих.

Методологические основы диссертационного исследования. Обращение к такому сложному объекту исследования как старославянское словообразование и старославянская словообразовательная морфемика потребовало применения целого комплекса разнообразных подходов и приемов лингвистического анализа, а также некоторых элементов лингвотекстологии. В основе исследования лежит синхронный анализ старославянского лексического инвентаря как лексического фонда реально существовавшей в

IX — начале XI вв. языковой системы. Предложенные нами методики реконструкции незафиксированной в старославянских рукописях X–XI вв. старославянской лексики, сегментирования старославянских лексем и идентификации старославянских морфем предусматривают не только широкое применение сопоставительного метода, элементов компонентного анализа, но и использование результатов этимологического анализа, сравнительного изучения более поздних списков со старославянских протографов. Старославянская словообразовательная система рассматривается нами как система языка особого рода, а именно как система средневекового литературного языка. Это означает, что в своем анализе старославянского материала мы постоянно имели в виду, что каждая старославянская лексема либо вошла в старославянский язык из народной славянской речи, либо заимствовалась целиком (это, главным образом, старославянские гречизмы), либо создавалась самими древними книжниками для нужд перевода текста греческого оригинала. Процесс создания древними книжниками новых лексем, который включал в процедуру собственно славянские словообразовательные механизмы, но во многих случаях проходил под влиянием морфемных и семантических структур греческих соответствий, был в центре нашего внимания. При исследовании влияния языка греческих оригиналов старославянских текстов на словообразовательные процессы в старославянском языке использовался сравнительно-сопоставительный метод. В сопоставлении греческой лексики со старославянской «отправной точкой» для нас служила греческая лексема (а не старославянская, как это делается обычно в палеославистических исследованиях). При этом мы опирались как на материал старославянских словарей, так и на наши

собственные материалы, накопленные в течение многих лет исследования древних славянских рукописей. По нашему убеждению, именно такой подход позволяет в какой-то мере проникнуть в «творческую лабораторию» древнего книжника и, следовательно, прояснить интересующие нас пути формирования лексического фонда старославянского языка в целом и его словообразовательной морфемки в частности.

Практическая значимость диссертации. Результаты данной работы необходимы для дальнейших исследований по славянскому словообразованию и лексикологии, должны быть использованы как при создании фундаментальных грамматик — старославянского языка, сравнительно-исторической и сравнительной славянских языков, так и при написании учебных пособий по соответствующим дисциплинам. Собранный в процессе настоящего исследования и отчасти включенный в диссертацию обширный материал может использоваться в качестве справочного. В вузовском преподавании результаты исследования могут быть применены при чтении общего курса старославянского языка. На базе диссертационного исследования могут быть также составлены спецкурсы по рассматриваемой в нем проблематике.

Апробация работы. По теме диссертации опубликована монография «Старославянская словообразовательная морфемка» (М., 2006, 366 с.), отдельные вопросы диссертационной проблематики рассматриваются также в 19 работах (статьях, разделах в коллективных монографиях, тезисах докладов). Некоторые вопросы диссертационной проблематики неоднократно служили темами докладов на научных конференциях (на международной конференции «Традиция и новые тенденции в развитии славянских

литературных языков: проблема динамики нормы» 24–26 мая 1994 г. в Москве; на международной конференции «Роль библейских переводов в развитии литературных языков и культуры славян» 23–24 ноября 1999 г. в Москве; на международной конференции «Палеославистика. Лексикология. Лексикография», посвященной памяти Р. М. Цейтлин, 27–29 ноября 2002 г. в Москве), выступлений на круглых столах и рабочих совещаниях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения (с. 5–13), пяти глав — «Особенности изучения словообразовательных механизмов в старославянском языке как литературном языке раннего славянского средневековья» (с. 14–30), «Проблемы реконструкции лексического фонда старославянского языка и принципы морфемного членения старославянских лексических единиц» (с. 31–49), «Словообразовательная морфемика старославянского существительного» (с. 50–205), «Словообразовательная морфемика старославянского прилагательного» (с. 206–305) и «Словообразовательная морфемика старославянского наречия» (с. 306–346); заключения (с. 347–354), списка принятых сокращений (куда включены принятые сокращения названий рукописей) и библиографии (с. 359–377).

Результатом использования в исследовании компьютерной базы данных явилась не принятая в отечественной традиции транслитерация старославянского материала латиницей. Цитаты из старославянских и церковнославянских рукописей даются нами в привычной кириллической транслитерации.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы диссертационного исследования и его актуальность, определяется предмет исследования, его цель и задачи, его теоретическая и практическая значимость, научная новизна, методологические основы исследования, называются источники материала для исследования.

Глава 1. Особенности изучения словообразовательных механизмов в старославянском языке как литературном языке раннего славянского средневековья. В этой главе показывается необходимость при исследовании старославянского словообразования и, в частности, при описании словообразовательной морфемки подхода к старославянскому языку как к литературному языку особого — средневекового — типа. Понимание того, что старославянский язык должен рассматриваться прежде всего в качестве языка литературного, имеет давнюю филологическую традицию (А. И. Соболевский, члены Пражского лингвистического кружка). Однако чем больше старославянский язык изучается в качестве литературного, тем более отчетливо проступают черты, отличающие его от современных славянских литературных языков, — ограничение сфер применения языка, особенности функционирования литературно-языковой нормы, элитарность круга активных носителей, и нек. др. В фокус внимания настоящего исследования поставлены особенности словообразовательных процессов, отличающие старославянский язык как литературный язык раннего средневековья от современных славянских языков.

Старославянский язык создавался в ходе перевода с греческого книг Св. Писания и другой теологической литературы. Практика исследований последних лет показывает, что в формировании его языковых средств влияние греческого языка оригиналов было многосторонним и гораздо более сильным, чем представлялось палеославистам всего несколько десятилетий тому назад. Следовательно, 1) старославянский язык должен изучаться прежде всего в качестве языка переводов с греческого; 2) лексическая и словообразовательные системы старославянского языка не могут быть исследованы и адекватно описаны без учета влияния на их формирование греческого языка.

Важной особенностью старославянского словообразовательного механизма являлась возможность непосредственного участия греческих лексем в старославянских словообразовательных процедурах. Словообразовательные аффиксы славянского происхождения могли присоединяться к основам греческого происхождения, при этом было возможно образование лексем не только от основ старославянских грецизмов, но и непосредственно от греческих слов (т. е. для перевода греческой лексемы в качестве производящей основы могла использоваться основа греческого соответствия). В некоторых случаях и при наличии соответствующих старославянских грецизмов в качестве производящей основы использовалась основа греческого соответствия, что свидетельствует о приоритете в этих случаях отношений «текст → текст» над парадигматическими отношениями внутри старославянского лексического инвентаря. (Например, грецизм *izdraiľ* 'Израиль' можно было бы считать мотивирующим как для образованного с суффиксом -ěnin(ъ)/-(j)anin(ъ) сущ. *izdraiľaninъ*

‘израпльтянин’, так и для более распространенного его синонима *izdrailitěninь*, однако производящая для сущ. *izdrailitěninь* основа *izdrailit-* принадлежит греческому соответствию Ἰσραηλῖτης).

Для создания новых слов древними книжниками широко использовалось разного рода калькирование греческой лексики. Старославянское калькирование традиционно изучалось палеославистами на основе сопоставления пар — калькированного слова адаптирующего языка и калькируемого слова языка-источника (К. Шуманн, Н. Молнар). Однако поморфемные старославянские кальки создавались с использованием славянского «строительного материала», с помощью славянских словообразовательных морфем, которые вводили эти новые слова в круг лексем определенной славянской структуры. Для старославянского словообразования было характерно калькирование с неполным соответствием морфемных структур старославянского и греческого слов, и часто это несоответствие обуславливалось указывающим на частеречную принадлежность суффиксальным оформлением старославянской лексемы при отсутствии такового у лексемы греческой (ср., например, ὀξύγραφος — *jedropišьь* ‘скоропи́сец’, λογογράφος — *slvopisatelъ* ‘писатель, летописец’, и мн. др.). Следовательно, старославянское калькирование необходимо исследовать как относительно самостоятельную словообразовательную процедуру, представляющую собой неотъемлемую часть старославянского словообразовательного механизма.

В первой главе обосновывается также необходимость учета высокой степени неоднородности структуры социальной базы старославянского языка. Для него, как средневекового литературного языка, была характерна элитарность активных носителей (древних

книжников), которые являлись не просто носителями языка, но также и его творцами (см. работы Е. М. Верещагина). И если в современных славянских языках факт неоднородности структуры социальной базы языка не «лежит на поверхности» для исследователя, и вскрытие его требует определенных усилий (см. работы Г. П. Нещменко), то «неравноправность частей» социальной базы старославянского языка определяется хорошо известными историческими факторами, обусловившими особенности его существования. Введение в анализ старославянского материала условной фигуры древнего книжника по-новому освещает характерные для старославянского словообразования явления, определяемые нами как «обновление» и «удвоенная аффиксация». Согласно нашим наблюдениям, для древнего книжника был важен облик славянского слова, которое должно было быть «достойным» выполнения своей функции перевода соответствующего слова греческого оригинала и выглядеть не хуже греческого (т. е. выглядеть достаточно сложным и книжным). Многочисленные факты свидетельствуют о том, что при создании новой лексики древний книжник стремился приблизить морфемную структуру к морфемной структуре греческого слова, а также использовать яркий продуктивный аффикс, состоящий материально из выразительной последовательности фонем, легко воспринимаемой как значащая часть слова. Древними книжниками «обновлялись» неаффиксальные (главным образом, несUFFIXальные) лексемы и «удваивались» аффиксы (в том числе и продуктивные) использованием «лишнего» аффикса в той же функции. Значение лексемы в результате процедур обновления и удвоенной аффиксации оставалось тем же, часто она использовалась для

перевода того же самого греческого соответствия, что и исходная лексема¹. Так, например, при наличии в старославянском лексическом инвентаре (уже в евангельском тексте) несUFFIXального (для старославянского языка) сущ. *сръгь* 'противник' и сущ. *žetelъ* 'жец' с продуктивным суффиксом *-tel'(ь)*, древние книжники создают и сущ. *сръгьникъ* (с помощью суффикса *-ник(ъ)*), и сущ. *žetelaninъ* (с избыточным суффиксом *-(j)anin(ъ)*). Можно также предположить, что многочисленные случаи суффиксального оформления субстантивно употребляемых прилагательных — древних имен по происхождению (сущ. *slěrьсь* 'слепой' при наличии *slěrъ* 'то же', и др.) свидетельствуют о стремлении древних книжников к избавлению от неопределенности в выражении частеречного значения этих «старых» лексем.

Учет факторов, релевантных для старославянского языка как литературного языка средневековья, необходим и при определении продуктивности и конкурентоспособности словообразовательных морфем. Лексическая и словообразовательная системы этого языка были еще неустойчивы, буквально рождались в процессе переводов с греческих оригиналов. Как считала Р. М. Цейтлин, в этих условиях основным показателем продуктивности словообразовательной морфемы являлась возможность образовывать с ее помощью новые слова (мнение, которое разделяем и мы). При этом наиболее надежным

¹ Суть удвоенной аффиксации заключается именно в удвоении вплоть до повторения того же аффикса (ср., например, *podobnostrastьь* 'страдающий (как п...)' и *podobnostrastььь* 'то же'), поэтому целесообразно называть ее «удвоенной» аффиксацией (а не «избыточной», или «усиленной» и т. п.).

свидетельством данной способности морфемы мы считаем ее сочетаемость с основами греческого происхождения. Одним из важнейших, обусловленных спецификой старославянского материала факторов является также частотность старославянских слов в рукописях, а особенно то, в каких рукописях и с какой частотностью зафиксировано слово, так как «классические» старославянские рукописи отражают разные этапы становления старославянского языка. Среди малочастотных лексем особенно мы выделяем гапаксы старославянских рукописей (от греч. ἄλοξ 'однажды употребленный'). Низкая частотность или однократное употребление лексемы может быть как свидетельством ее «невысказанности» по причине особого содержания старославянских текстов, так и свидетельством новообразования, еще не «укорененности» лексемы в языке.

Глава 2. Проблемы реконструкции лексического фонда старославянского языка и принципы морфемного членения старославянских лексических единиц. Согласно современным представлениям в сфере теории словообразования морфемный анализ и сегментацию лексем следует ставить в зависимость от результатов словообразовательного анализа; именно посредством последнего определяется самостоятельность значения сегментов слова, их «морфемный статус». Отношения словообразовательной мотивации при этом устанавливаются для всей лексической системы языка (теоретически). Особое значение полноте охвата материала придается на современном этапе развития отечественной словообразовательной теории в связи с попытками изучения словообразовательной системы языка в качестве «совокупности реализованных и потенциальных единиц» (И. С. Улукханов),

Специфика старославянского материала определяется тем, что в дошедших до нашего времени «классических старославянских» рукописях зафиксированы лишь фрагменты существовавшей в IX–XI вв. лексической системы. В ряде случаев звенья словообразовательных цепочек представлены в них достаточно полно (например, нет сомнений, что сущ. *vъziskatelъ* ‘тот, кто судит’ мотивировано глаголом *vъziskati* в значении ‘взыскать/взыскивать (долг, отчет)’, а сущ. *pustota* ‘пустота’ – прилагательным *pustъ* ‘пустой’, и т. п.), однако в других случаях не только мотивированное, но и мотивирующее слово может оказаться за пределами известных нам фрагментов системы. Например, если исходить только из корпуса используемых в них лексем, то немотивированными (и не членимыми свободно на морфы) придется считать и сущ. *skopostъ*, и прил. *lъbyъ*, и мн. др., так как ни прил. *skopъ*, ни сущ. *lъbъ* в них не встречаются. Сложности в процедуре сегментации лексем на основе определения отношений мотивации должны возникать при системном исследовании любого мертвого языка. Вместе с тем острота проблемы и пути преодоления данного препятствия зависят в немалой степени от объема сохранившихся источников материала. Например, при исследовании древнерусского словообразования весьма значительный объем сохранившихся источников позволяет использовать принципы и методы анализа, разработанные для целей изучения словообразования современных языков в синхронном плане (см. работы И. С. Улуханова). Объем источников старославянского языка неизмеримо меньше. Для решения проблемы морфемного членения старославянских лексем нам видятся два взаимодополняющих пути

- 1) максимальное расширение объема анализируемого языкового материала за счет реконструкции старославянского лексического

инвентаря; 2) выбор такой процедуры сегментирования лексем, которая отношения словообразовательной мотивации * будет учитывать, но изначально не определяться ими.

Вопрос о создании методики реконструкции незафиксированной в «классических старославянских» рукописях X–XI вв. старославянской лексики был поставлен Р. М. Цейтлин еще в 70–80-х годах XX в. Современное состояние палеославистики — накопленный фактический материал и новая парадигма принципов лингвистического исследования — требуют развития и усовершенствования предложенной Р. М. Цейтлин методики. В основу нашего подхода к реконструкции старославянского лексического инвентаря мы кладем положение, что «восстановление» тех или иных звеньев лексической и словообразовательной систем старославянского языка может быть осуществлено только с большей или меньшей степенью вероятности. Предположительно старославянская лексика должна выявляться путем сопоставительных исследований лексического материала возможно более широкого круга списков, восходящих к оригиналам, написанным старославянским языком, но не сохранившимся до нашего времени в древнеболгарских списках X–XI вв., которые принято считать «классическими старославянскими» рукописями. При этом доказательства, повышающие степень надежности реконструкции лексем как незафиксированных в этих рукописях звеньев лексической системы старославянского языка, могут быть добыты в результате сопоставительного лексикологического и текстологического изучения огромного и очень мало исследованного рукописного наследия. Наличие лексемы в разных местах более поздних списков разных произведений и, особенно, списков разных (русского,

сербского, среднеболгарского) изводов уменьшает возможность рассматривать ее как внесенную в процессе движения текста по спискам и указывает на большую вероятность принадлежности ее к лексическому инвентарю старославянского языка. Так, например, на принадлежность упомянутого выше прил. *skorъ* к старославянскому лексическому инвентарю указывает наличие его в списках разных изводов с произведений, восходящих к старославянским протографам, в том числе и в списках «Шестоднева» Иоанна Экзарха, начиная с сербского 1263 г. (л. 189а 2). Показательно и употребление прил. *skorъ* в среднеболгарском списке XIV в. Хроники Константина Манассии (л. 105') — памятнике, не восходящем к старославянскому протографу, но подтверждающем наличие этой лексемы в языке среднеболгарского извода.

Процедуру сегментирования (членения на морфы) лексем применительно к старославянскому языковому материалу целесообразно начинать не с словообразовательного анализа, а с установления актуальных для старославянского языка семантических связей у лексем, представляющих собой вошедшие в сохранившиеся фрагменты языка «осколки» гнезд этимологически однокоренных слов. Далее мы предлагаем использовать адаптированный к условиям старославянского языка метод сопоставления, предусматривающий анализ слова в кругу слов, содержащих тождественные сегменты (корни и аффиксы). В соответствии с данной исследовательской методикой нами выбрана и система изложения материала в последующих главах, адекватная старославянскому словообразовательному механизму. Материально идентичные или близкие (по составу фонем) аффиксальные морфы рассматриваются нами как морфы единой морфемы, которая может

«работать» в качестве словообразовательной как при образовании одушевленных существительных, так и неодушевленных;¹ как существительных мужского рода, так и женского или среднего, как при образовании от субстантивных производящих основ, так и от адъективных, и от глагольных¹. Такой подход, по нашему мнению, не только релевантен древнему состоянию языка, но и гораздо больше дает для понимания функциональной динамики славянских словообразовательных морфем в старославянском языке, чем искусственное «наложение» на старославянский материал принципов современной словообразовательной теории, требующей «разбиения» морфемы на целый ряд омонимичных морфем. Анализ актуальных семантических связей «осколков» гнезд этимологически однокоренных слов подразумевает тщательное исследование их семантики с учетом не только основных («словарных») значений лексем, но иногда и «оттенков», и «контекстных» значений, которые не всегда в полной мере фиксируются старославянскими словарями, но могут оказаться важными при установлении связей между однокоренными словами. (Особые сложности возникают при процедуре сегментирования «старых» лексем, унаследованных старославянским языком из праславянского и восходящих иногда к индоевропейскому.) На основе проведенной процедуры сегментации старославянских лексем между ними могут быть установлены отношения производности.

¹ Терминами «морф», «морфема» пользуемся в общепринятом их понимании: морфы, характеризующиеся позиционным распределением, называем «алломорфами» морфемы; морфы, всегда заменяющие друг друга в окружении одних и тех же морфов, называем «вариантами» морфемы.

Определение же мотивационных отношений в старославянском языке может быть следующим этапом анализа, основанным на уже проведенной процедуре сегментации лексем на морфы и установленной затем производности, однако в силу специфики старославянского материала, заключающейся в частом отсутствии фиксации мотивирующих слов, этот этап не всегда возможен.

Глава 3. Словообразовательная морфемика старославянского существительного. В сфере словообразования старославянского существительного основным способом являлась суффиксация. Довольно высокую продуктивность показывает также сложение и сложение в сочетании с суффиксацией. Гораздо менее характерными для образования старославянских существительных были префиксация и префиксально-суффиксальный способ. Разделы 3. 1. — 3. 13. третьей главы посвящены описанию функционирования в старославянском языке суффиксальных словообразовательных морфем -ik(ь), -ьnik(ь), -tel'(ь), -itel'(ь), -ьс(ь)/-ьс(е)/-ьс(а), -at(ь), -in(ь), -ěnin(ь)/-(j)anin(ь), -ic(a), -ьnic(a), -yn(i), -in(a), -ot(a), -ost(ь), -ьj(e)/-ьj(ь),-ьj(a), -ьstv(o). Эти суффиксы были по-разному востребованы старославянским языком, обнаруживая разную степень продуктивности и конкурентоспособности, а словообразовательные модели с этими суффиксами — разную степень относительной нагруженности. Так, например, если суффикс -tel'(ь) использовался только в отглагольном словообразовании и развил продуктивность при образовании наименований деятеля (типа *ispravitel'ь*, *kazatel'ь*, и др.), то суффикс -in(a), вычленимый большей частью в «старых» славянских лексемах, вошедших в старославянский язык из народной славянской речи, функционировал как в отадективном, так и в отсубстантивном словообразовании, а

спектр его словообразовательных значений в старославянском языке был настолько широк, что фактически значение суффикса $-in(a)$ в каждой употребляемой в старославянских рукописях лексеме индивидуально.

Сегментация старославянских лексем и идентификация морфем осуществляется в работе по методике, описанной в Главе 2. В случаях отсутствия в собственно старославянских рукописях слов с производящей основой, их принадлежность к старославянскому лексическому инвентарю может быть доказана наличием в списках со старославянских протографов, причем надежность этого доказательства возрастает с обнаружением лексемы в разных контекстах — в списках разных произведений и разных изводов (см. п. 2. 2.). Например, мы предполагаем для сущ. $grъpъsaъ$ 'гончар' свободную членность: хотя в старославянских рукописях и нет других слов с тем же корнем, на принадлежность к старославянскому лексическому инвентарю мотивирующего сущ. $grъpъсь$ 'горшок' указывает употребление его в целом ряде списков со старославянских протографов — и «Шестоднев» Иоанна Экзарха, начиная с др.-сербск. 1263 г. (л. 9b 5), и в ряде древнерусских (Словарь Срезневского I: 616; СлРЯ XI–XVII 4: 87).

В разделах, посвященных конкретным суффиксам, мы старались определить их продуктивность и конкурентоспособность. Поскольку основным показателем продуктивности словообразовательной морфемы в старославянском языке являлась возможность образования с ее помощью новых слов (см. п. 1. 5.), уделяется внимание частотности лексем с данным суффиксом и, особенно, наличию среди них гапаксов старославянских рукописей; учитывается

также функционирование суффикса в качестве избыточного аффикса при удвоенной аффиксации и «обновлении». Особое внимание уделяется способности суффикса к сочетаемости с основами греческого происхождения (например, из 24 известных по старославянским рукописям существительных с суффиксом -ěpъn(ъ)/-(j)anъn(ъ) типа eǫryěpъnъ, damařtanъnъ и др., лишь три образованы от славянских основ). Однако эта способность не всегда проявляется даже у продуктивных для старославянского языка суффиксов: среди существительных с такими продуктивными суффиксами как -ik(ъ) и -ьnik(ъ) почти не встречаются лексемы с основами греческого происхождения (за исключением сущ. kliosъnikъ [klios-ъnikъ] 'клирик', где в качестве корневой морфемы использована целиком греческая лексема κλῆρος 'клир'). В связи с тем, что старославянские рукописи отражают разные этапы становления старославянского языка, для выявления динамики в сфере продуктивности старославянских словообразовательных морфем оказывается важным также и учет того, в каких рукописях было зафиксировано слово. Например, такой анализ употребления существительных с суффиксом -aǫ(ъ) (kľuřaǫ(ъ), гуваǫ(ъ) и др.) показывает, что образования с суффиксом -aǫ(ъ) были маргинальны, особенно на раннем этапе становления старославянского языка. Тем не менее именно в процессе формирования лексического фонда старославянского языка выработалась в качестве продуктивной модель образования имен с суффиксом -aǫ(ъ), которые впоследствии в славянских литературных языках будут восприниматься как «церковнославянские элементы»: в более поздних по времени перевода старославянских текстах, дошедших до нас только в списках разных изводов, появляются новые, неизвестные

ранним переводам лексемы с этим суффиксом, частично заменяющие более ранние образования с суффиксами -ьnik(ь), -tel(ь) и -ьс(ь).

Показателем конкурентоспособности старославянских словообразовательных суффиксов является их экспансия в изначально не свойственную им словообразовательную сферу. Так, например, формирование суффикса -ьnik(ь) в отсубстантивном словообразовании следует отнести к самому раннему этапу становления старославянского языка (если суффикс -ьnik(ь) вообще не был им унаследован из общеславянского арсенала), так как уже в евангельском тексте употребляются лексемы bezakonyьnikъ, kovьnikъ, pajьmyьnikъ, рёпёзьnikъ при отсутствии соответствующих прилагательных с суффиксом -ьп-. Далее суффикс -ьnik(ь) (но не -ik(ь)!) начал участвовать в образовании существительных от глаголов (izbavyьnikъ, obavyьnikъ, obliьnyьnikъ и нек. др.). Вместе с тем для старославянского словообразования сочетаемость суффикса -ьnik(ь) с глагольными основами не была характерной: так называемые «старославянские словообразовательные варианты» оказываются, как правило, образованными от слов разных частей речи (ср., например, prorovёдь → prorovёдьnikъ и prorovёdati → prorovёdateľъ; robёдьпъ → robёдьnikъ и robёditи → robёditelъ, и др.).

Калькирование греческих соответствий рассматривается нами в качестве специфической словообразовательной процедуры, характерной для старославянского словообразования. Древние книжники создавали кальки с помощью старославянских словообразовательных морфем, вводящих их в круг слов определенной славянской структуры, поэтому калькированные лексемы описываются в соответствующих разделах, посвященных этим морфемам. В процедурах

калькирования участвуют не все словообразовательные суффиксы. При образовании наименований лица в кальках наиболее часто используется суффикс -ьс(ь): большинство двукорневых лексем с этим суффиксом демонстрирует элементы калькирования, а неполное соответствие структур греческого и старославянского слова обусловливается как наличием суффиксального оформления у старославянских лексем при отсутствии его у лексем греческих, так и характерностью для старославянских сложений с суффиксом -ьс(ь) опорных компонентов с глагольной семантикой (ср.: θεομάχος — bogobogьсь, θεοφόρος — bogopogьсь, и др.). Последним следует, видимо, объяснять перемену мест компонентов (в сравнении с греческими соответствиями) в лексемах, образованных суффиксально-сложным способом на базе глагола ἠύβιτι (ср.: φιλόανθρωπος — ѡловѣколюбьсь, φιλάργυρος — съгреболубьсь и др.). Кальки с суффиксом -τελ(ь) (εὐεργέτης — blagodětelь, εἰδωλόλατρης — idolosluzitelь и др.) встречаются значительно реже. Суффикс -υῖκ(ь), высокопродуктивный в образовании наименований лица, в калькировании используется очень мало. В калькировании неодушевленных существительных наиболее часто используется суффикс -ьj(e), с его помощью образуются лексемы с опорным компонентом как именного, так и глагольного происхождения — ср.: διψυχία — dьvodušije, μέσαυλον — srědudvorije, θεομαχία — bogobogije, φιλαδελφία — bratrolubije (перемена мест компонентов, аналогичная перемене их в кальках с суффиксом -ьс(ь)), и др; суффикс -ьstv(o) используется значительно реже: φιλαδελφία — bratrolubьstvo (такая же перемена мест компонентов), πλεονεξία [πλεον-εξ-ί-α] — lichoimьstvo, и др.

Продуктивные общеславянские суффиксы в старославянском языке не всегда демонстрируют высокую продуктивность.

Раздел 3. 14. посвящается описанию функционирования непродуктивных и малопродуктивных суффиксов -išt(ь), -ъcij(i)/-ъcij(i), -ataj(ь), -išt(e), -tv(a), -zn(ь), -ъb(a), -ob(a), -ъd(a), -izn(a), -ъk(ь), -ъk(a). Эти суффиксы обнаруживаются, как правило, в «старых» лексемах, вошедших в старославянский язык из народной славянской речи, вычлняются в этих лексемах путем сопоставления их в кругу лексем, содержащих тождественные корни и суффиксы, в рамках старославянского лексического инвентаря могут составить и «словообразовательные пары», однако эти суффиксы не использовались активно древними книжниками для создания новых слов. Вместе с тем для некоторых из таких суффиксов можно определить их основное словообразовательное значение в старославянском языке. Например, словообразовательное значение существительных с суффиксом -išt(ь) определяется достаточно четко как название 'маленького (молодого) живого существа'. В дошедших до нас старославянских рукописях встречается лишь семь существительных с этим суффиксом, что, однако, можно объяснить содержанием текстов, и реально в старославянском лексическом инвентаре таких лексем могло быть больше: открытие в 1975 г. в монастыре Св. Екатерины на Синае ранее неизвестной части Синайского евхология «прибавило» к этому ряду сущ. ѿbodějicišть (Евр 12,8), образование которого следует модели, известной старославянскому языку (ср.: grъlica 'горлица' → grъlicišть 'птенец горлицы'; ѿbodějica 'блудница' → ѿbodějicišть 'незаконный сын').

В разделе 3. 15. рассматривается функционирование префиксов. Префиксация в старославянском языке не была таким актуальным способом словообразования существительных, как суффиксация.

Содержащиеся в морфемной структуре старославянских существительных префиксы большей частью являются не морфами словообразовательных морфем, но морфами префиксальных глаголов, от которых были образованы эти существительные. Наиболее частотным в старославянском языке был отрицательный префикс *ne-*, который использовался как в префиксально-суффиксальном, так и в префиксальном словообразовании. Обладая «универсальностью» в смысле взаимодействия со всеми знаменательными частями речи, префикс *ne-* мог присоединяться к уже существующим словам, образуя маркированный член оппозиции с отрицательным компонентом, — ср., например: *kъpиžьnikъ* ‘знаток закона, книжник’ и *nekъpиžьnikъ* ‘неученый человек’ (видимо, не без влияния морфемной структуры его греческого соответствия с отрицательным префиксом $\alpha-$ *ἀρῳάκιος*.); *glagolanije* ‘говорение, речь’ и *neglagolanije* ‘безмолвие, немота’.

Особое внимание уделяется в разделе префиксации существительных под влиянием морфемной структуры их греческих соответствий. Например, если в таких существительных, как *съвогъnikъ*, префикс *съ-* является частью производящей основы, то в существительных *съпросрѣžьnikъ* (греч. *συνερός*), *съpиçьstьnikъ* (греч. *συκοινωνός* и *συγκληρονόμος*) префикс *съ-*, соответствующий префиксу *συν-*, представляется искусственно добавленным в подражание слову греческого оригинала, так как в старославянском лексическом инвентаре существовали слова с тем же значением, но без этого префикса. Заметим, что при калькировании префикса морфологические структуры греческого и старославянского слова в остальном могли не совпадать. Например, сущ. *peržezьstvo*

образовано от сущ. *prězorǫstvo* с соответствием отрицательного префикса *ne-* греческому префиксу $\alpha-$ в $\acute{\alpha}\kappa\epsilon\nu\acute{o}\delta\omicron\xi\omicron\nu$, однако в остальном морфологические структуры двукорневого композита $\acute{\alpha}\kappa\epsilon\nu\acute{o}\delta\omicron\xi\omicron\nu$ [$\acute{\alpha}$ - $\kappa\epsilon\nu$ - \acute{o} - $\delta\omicron\xi$ - $\omicron\nu$] и ст.-слав. *neprězorǫstvo* [*ne-prě-zor-ǫstv-o*] с двумя префиксами не совпадают.

Глава 4. Словообразовательная морфемика старославянского прилагательного. В сфере словообразования старославянского прилагательного, как и старославянского существительного, основным способом являлась суффиксация. Довольно высокую продуктивность показывает также сложение и сложение в сочетании с суффиксацией. В разделах 4. 1. — 4. 10. четвертой главы описывается функционирование в старославянском языке словообразовательных суффиксов *-bj-*, *-ǫǫ-*, *-ov/-ev-*, *-ip-*, *-ǫsk-*, *-ǫp-*, *-iv-*, *-ǫiv-*, *-ǫǫ(bjǫ)*, *-ǫǫ(bjǫ)*, *-ǫǫ(bjǫ)*, *-ǫp-*, а также исторически восходящий к суффиксу *-j-* словообразовательный формант, который в эпоху старославянского языка проявлял себя как «йотовое» морфонологическое чередование согласных в исходе производящей основы. Словообразовательное значение суффиксов старославянских прилагательных располагается в диапазоне сообщения прилагательному значений от притяжательных до качественных, однако распределение словообразовательных значений по словообразовательным морфемам в сфере прилагательных в старославянском языке не было жестким. Особый интерес для понимания распределения функциональной нагрузки на словообразовательные форманты и ее последующей динамики представляет использование в старославянских рукописях прилагательных с основным значением притяжательности в качестве собственно относительных. В таких случаях они, как правило, переводят не генитив

существительных в греческом оригинале, а греческие прилагательные. Это явление наблюдается в группе прилагательных с морфонологическим чередованием согласных в исходе производящей основы, представляющих в старославянском языке древний тип слова с суффиксом *-j-*. Ср., например, употребление в Супрасльской рукописи прил. *děvičь*: τῆς παρθένου τὴν κοιλίαν (т. е. Марии, значение индивидуальной принадлежности) — *дѣвичѣ жтробѣ* (л. 240,4) и *μήτρα παρθενική* — *чрѣво дѣвиче*, т. е. 'девственное' (л. 250,11). Прилагательные с суффиксом *-ysk-* также могли использоваться в текстах как с притяжательным, так и с относительным значением. Ср., например, употребление прил. *archangelьskъ*: ἀρχῆλῳςσιν λιци в Синайском евхологии, л. 4а 15 (в греческом букв. 'череда архангелов': οἱ τῶν ἀρχαγγέλων χοροί) и и глаголь етеръ *крѣпокъ* . и *архангельскъ* . и *вокводьскъ* в Супрасльской рукописи, л. 464,13–14 (в греческом употреблены даже суперлативы: καὶ ῥῆσιν τινα ἰσχυρὰν ἀρχαγγελικωτάτην καὶ στρατηγικωτάτην).

Так же, как и суффиксы существительных, суффиксы прилагательных были по-разному востребованы старославянским языком, обнаруживая разную степень продуктивности и конкурентоспособности, а словообразовательные модели с этими суффиксами — разную степень относительной нагруженности. Так, например, несмотря на характерное словообразовательное значение суффикса *-ěp-* (сообщающее прилагательному значение материала или вещества, из которого сделан или состоит определяемый предмет), в старославянских рукописях прилагательные с этим суффиксом редки — это «старые» лексемы, вошедшие в старославянский язык из народной славянской речи, для которых далеко не всегда можно

установить мотивирующие существительные и определить «словообразовательные пары» в рамках доступного нам материала. О маргинальности прилагательных с суффиксом -ѣп- для старославянского лексического инвентаря свидетельствует также наличие для некоторых из них словообразовательных синонимов среди прилагательных с суффиксом -ьп-: наряду тѣдѣль употребляется более частотное прил. тѣдыль (оба переводят греч. χαλκοῦς), наряду рѣтѣль — гораздо более частотное рѣтыль, и др. С другой стороны, такие суффиксы как -ov-/-ev-, -ip-, -ьsk-, -ьп- развили в старославянском языке высокую продуктивность, давая большие количества новообразований: основная масса употребляемых в старославянских рукописях прилагательных с суффиксом -ov-/-ev- имеет производящую основу греческого происхождения (от славянских основ образованы лишь 11 из 133-х прилагательных с алломорфом -ov- и 8 из 32-х с алломорфом -ev-); из 37 прилагательных с суффиксом -ip- от славянских производящих основ образованы только 9; доля прилагательных с основами греческого происхождения среди прилагательных с суффиксом -ьsk- тоже велика (145 из 222-х), что говорит о книжном характере большинства лексем с этими суффиксами.

Способность к сочетаемости с производящими основами греческого происхождения мы считали одним из наиболее надежных показателей продуктивности суффикса, однако даже продуктивные суффиксы обнаруживают эту способность не в одинаковой мере. Для самого распространенного в старославянском языке, обладавшего самым широким спектром словообразовательных значений суффикса прилагательных -ьп- сочетаемость с основами греческого происхождения не характерна: из 733 прилагательных, имеющих суффикс -ьп- в

качестве словообразовательной морфемы, лишь несколько образованы от старославянских гречизмов (аегъль, algujъль, elinъль, xrizъль, kadilъль и kanъdilъль, mъгъль, ѳardъль, rusalъль, sôbotъль, zmъgъль), причем мотивирующие лексемы xrizma, kadilo, rusalie, sôbota проникли, видимо, в славянскую речь до создания библейских переводов).

По-разному востребованы суффиксы прилагательных и в процедурах калькирования. Главным образом здесь используется суффикс -ън- (εὐσεβής — blagočъstъль, εὐπρόσδεκτος — blagopriimičъль, εὐσκελής — blagogolěpъль, и мн. др.); 21 кальку в пределах старославянских рукописей мы насчитываем с суффиксом -iv- (θεοσεβής — bogočъstivъ; φιλότεκνος — čedolubivъ¹, и др.); кальки среди прилагательных с другими суффиксами единичны (ἑξαπτερυγος — šestokrilatъ, πολυόμιματος — mnogoôitъ). В ряде случаев древние книжники создавали двукорневые кальки даже при наличии в старославянском лексическом инвентаре прилагательных, не калькирующих эти соответствия. Например, для перевода εὐσεβής в Супрасльской рукописи используется и čъstъль (л. 188,13–14), и blagočъstъль (лл. 341,3–4; 506,18); для перевода εὐπρόσδεκτος — и priimičъль (л. 356,11–12), и blagopriimičъль (л. 356,8), и др. Несомненно, такие случаи демонстрируют стремление древних книжников максимально приблизить старославянскую лексему к ее греческому соответствию воспроизведением морфемной структуры последнего в части первого компонента сложения. С другой стороны, в

¹ Перемена мест компонентов здесь аналогична такой же перемене мест в сложениях с суффиксами -ъс(ь), -ъj(e), -ъstv(o).

некоторых случаях с точки зрения словообразования старославянские прилагательные — даже при полном или частичном совпадении их морфемных структур и структур их греческих соответствий — следует считать отсубстантивными, а не калькированными, хотя, видимо, их образование и «поддерживалось» греческими лексемами, удовлетворяя древних книжников соответствием морфемных структур. Например, отсубстантивным следует считать прил. *blagoděťь* (т. е. образованным от сущ. *blagoděťь*) — несмотря на то, что среди его греческих соответствий есть композиты с первым компонентом *εὖ-* — *εὐχάριστος* и *εὐεργέτης*. Отсубстантивность образования здесь подтверждается и тем обстоятельством, что в евангельском тексте прил. *blagoděťь* появляется как перевод греч. *κεχαριτωμένος* (Л 1,28), в то время как соответствие греческим композитам относится к более поздним по времени переводам.

Большинство префиксально-суффиксальных прилагательных с префиксом *bez-* переводят греческие лексемы, содержащие *α-privativum* (*ἀκήρατος* — *bezъмгыль* и *beskopyьль*; *ἄσῳος* и *ἀνεύθυνος* — *bezvinyль*, и др.), однако во многих случаях мы видим результат не прямого калькирования, а скорее влияния языка греческих оригиналов на словообразовательные процессы в старославянском языке. Префиксально-суффиксальные прилагательные с другими префиксами немногочисленны, в части из них наблюдается калькирование греческих префиксов *ἐπι-*, *παρᾶ-*, *περὶ-*, *ἐν-*, *συν-*. Например, в прил. *grīrōтьь*, образованном на основе словосочетания *grī rōtī* (Мф 13,4), префикс *grī-*, калькирующий префикс *παρᾶ-* в своем греческом соответствии *παρόδιος*, имеет пространственное значение; в прил. *szьbeznačььль* префикс *szь-* демонстрирует семантику

‘совместности’ — как и префикс συν- в его греческом соответствии συνάνταρχος, и др.

Свидетельством продуктивности суффиксов прилагательных мы считали и участие их в процедурах «обновления» и удвоенной суффиксации. Для «обновления» используется суффикс -ьп-, реже суффикс -iv- (ср.: љъъ и љъъпъ, обилъ и обилъпъ, izdrędъ и izdrędъпъ, и др.; паргаспъ и паргаспівъ, qrodъ и qrodівъ, и др.). В удвоенной суффиксации — суффиксы -ьп-, -ьск- (ср.: љqавъ и љqавъпъ, poludъь и poludъьпъ, skvгъпъ и skvгъпъпъ, dostojъпъ и dostojъпъпъ, и др.; gobijъ и gobijъскъ, sotonivъ и sotonivъскъ, и др.). Такие образования подтверждают наше представление о том, что для древнего книжника актуальным было создание новых слов с аффиксом, состоящим из выразительной последовательности фонем, легко воспринимаемой в качестве значимой части слова. Например, в старославянском лексическом инвентаре были прилагательные adovъ, adovъпъ и adovъскъ, переводящие греч. ἄδου (Gen.), однако прил. adovъ довольно частотно и встречается во многих рукописях, а прил. adovъскъ и adovъпъ представляются новообразованиями с наращиванием «ярких» продуктивных суффиксов: оба прилагательных употребляются только при переводе одного произведения — гомилии Епифанния Кипрского (в Сборнике Клоца и Супрасльской рукописи).

Первоначальное словообразовательное значение суффикса -iv- заключалось в сообщении прилагательному значения определения действующего лица (в широком смысле, т. е. агенса), называющего его качества с «активной» стороны (ср. значения образований с суффиксами -iv- и -ьп-: љъivъ ‘лживый’ и љъъпъ ‘ложный, неверный’, љubivъ ‘любящий’ и љubъпъ ‘любимый’, страъivъ ‘испуганный,

боящійся' и страшьъ 'страшный; внушающий страх', и др.). По мере становления и развития старославянского языка это специфическое словообразовательное значение суффикса стирается, а употребление прилагательных с суффиксом -iv- становится приметой языка преславских книжников: из 72-х прилагательных на -ivъ, известных по старославянским рукописям, 38 лексем встречаются только в созданной в Преславском центре письменности Супрасльской рукописи. Особенно характерны для нее прилагательные на -ivъ, калькирующие греческие соответствия (θεοφόρος — bogoposivъ, εὐσεβής — dobročestivъ, εὐνόμων — dobrogazumivъ и т. п.). На предпочтительность прилагательных с суффиксом -iv- в узусе преславских книжников указывает и наблюдавшаяся нами тенденция к замене прилагательных с суффиксом -ъп- прилагательными с суффиксом -iv- (иногда также с суффиксом -av-) в списках Апостола, приписываемых второй, так называемой Преславской, его редакции. Значительное увеличение в старославянском лексическом инвентаре числа прилагательных с суффиксом -iv- — более поздним расширенным вариантом суффикса -iv- — также связано с Преславской школой письменности. Для старославянского евангельского текста прилагательные с суффиксом -iv- не характерны, и, возможно, в первоначальном переводе Евангелия их не было совсем (возможно, obidivъ и nezazumivъ — это инновации Саввиной книги и Зографского евангелия соответственно, см. п. 4. 8.).

В разделе 4. 11. описывается функционирование малопродуктивных суффиксов -at-, -it-, -ovit-, -av-, -ък-, -ьк-, -ок-. Суффиксы -ък- и -ьк- (последний для эпохи старославянского языка можно считать алломорфом суффикса -ък- после мягких согласных)

вычленяются путем сопоставления с однокоренными лексемами, но словообразовательное значение эти суффиксы утратили еще в ранний период праславянского языка. Суффиксы -at-, -it-, -ovit-, -av- отличаются специфическим словообразовательным значением и некоторой продуктивностью (о чем свидетельствует наличие таких калек как *žestokrilatъ* и *тъпогоосѣтъ*), однако в старославянских рукописях прилагательные с этими суффиксами редки.

Глава 5. Словообразовательная морфемика старославянского наречия. Способами словообразования старославянских наречий были как морфологические (суффиксация, префиксация, сложение), так и морфолого-синтаксический способ адвербиализации. Способ сложения наблюдается лишь в нескольких мультипликативных наречиях; наиболее же актуальным способом являлась адвербиализация именных падежных и предложно-падежных форм и формирование на ее основе моделей морфологического способа суффиксации. Употребляющиеся в старославянских рукописях в качестве наречий предложно-падежные формы, соотносительные как с существительными, так и с прилагательными (в том числе с именами, функционировавшими в старославянском языке только в качестве прилагательных), имеют одинаковую структуру и соответствуют одному и тому же «набору» форм: do + род. п.; iz + род. п.; отъ + род. п.; съ + род. п.; ро + дат. п.; въ + вин. п.; на + вин. п.; о + вин. п.; въ + местн. п.; на + местн. п. Общность этих моделей свидетельствует об их возникновении во времена существования нерасчлененной категории имени, однако в старославянском языке адвербиализация захватывает и полные (членные) формы прилагательных (*do dьnъsьnajaego*, *do nyněsьnajaego* и др.), что характеризует ее

как процесс, актуальный с синхронной точки зрения. Отметим, что отдельные лексические группы наречий, объединенные определенными исходными падежными или предложно-падежными именными формами, сохраняют с ними связи и обладают общим словообразовательным значением, однако данные модели нежелательно было бы дефинировать как «словообразовательные типы», поскольку, по сложившимся в современной теории словообразования представлениям, словообразовательный тип характеризуется прежде всего формальным тождеством форманта; здесь же этот признак оказывается нерелевантным (ср., например, наречия *doŭgъхъ*, *dokopъsa*, *dosyti* со значением предельности, образованные от существительных в форме род. п. с предлогом *do*).

Наиболее многочисленную группу старославянских наречий составляют наречия, образованные адвербиализацией краткой и полной форм им.-вин. п. ед. ч. ср. р. прилагательных (в старославянских рукописях их насчитывается до 185 лексем). Словообразовательное значение, которое можно приписать этим наречиям, — это значение перевода лексической единицы в другую часть речи, т. е. транспозиционное значение. (Развитие семантики на основе собственно наречной наблюдается в единичных случаях и только у «старых» лексем.) Процесс словообразования протекает без каких-либо структурных ограничений и в отсутствие различительных морфонологических средств. Так как среди старославянских прилагательных преобладали прилагательные с твердой основой, а основной и полнфункциональной формой прилагательных была краткая форма, большая часть этих наречий образована от прилагательных с твердой основой в краткой форме — так называемые «наречия на -о»

(128 лексем). Несколько наречий образовано путем адвербиализации кратких форм прилагательных с мягкой основой (так называемые «наречия на -е»: *daleše, dobre, drev'le*, и др.). Такой же вид (т. е. тоже «наречий на -е») получали наречия, образованные путем адвербиализации форм прилагательных сравнительной степени, непроезводных для старославянского языка и имевших в праславянском языке суффикс *-jos*, среди которых большую часть составляют прилагательные так называемой «изолированной» сравнительной степени (*bo'le, go'le, kužde, liše*, и др.). Регулярно образовывались наречия со сравнительным или элятивным значением путем адвербиализации форм прилагательных сравнительной степени с суффиксом *-ějы/-ějъš-*, который в эпоху старославянского языка стал продуктивным: среди производящих основ здесь видим основы прилагательных, как нечленимые для старославянского языка (*dobrěje, jasněje, mьnožaje*, и др.), так и аффиксальные (*izvēstьněje, istinьněje, oтгадьněje*, и др.), и основы адъективированных причастий (*svьgьšeněje, svьpěteněje*). В старославянских рукописях употребляются также семь наречий, образованных адвербиализацией полных (членных) форм положительной степени прилагательных, т. е. наречия «на -oje» и «на -eje» (*drugoje* 'иначе, по-другому', *poslědъneje* 'наконец', и др.).

Анализ употребления наречий «на -о» в рукописях показывает значительное возрастание в более поздних по времени перевода старославянских текстах доли наречий, образованных адвербиализацией аффиксальных прилагательных, а также появление наречий, образованных адвербиализацией сложных прилагательных и адъективированных причастий, — типа *beznačelъno, jedinomъdъno, blagovo'eno*, и т. п. Накопление в языке большого количества наречий

«на -о» создавало предпосылки к осознанию морфемы -о как специального наречного суффикса, однако переход к суффиксальному образованию наречий с помощью суффикса -о в славянских языках следует, видимо, связывать с процессами утраты краткой формой прилагательных статуса основной, нейтральной формы (при маркированной полной форме), а также утраты прилагательными сравнительной степени собственной парадигмы склонения.

Способ образования наречий с суффиксами -ě, -у, -ь, — тоже сформировавшимися в качестве славянских наречных суффиксов вследствие регулярной адвербиализации именных падежных и предложно-падежных форм, но в предшествующие эпохи, — в старославянском языке следует считать уже морфологическим, т. е. суффиксацией (разделы 5. 2.—5. 4.). Меньшую группу отадективных наречий с суффиксом -ě составляют наречия, образованные от прилагательных с непроизводными (для старославянского языка) основами (*dobrě, pravě, zylě*, и др.). Для евангельского текста характерны наречия именно такой структуры, которые, по всей вероятности, были почерпнуты из народной славянской речи. Значительно бóльшую группу составляют наречия с суффиксом -ě, образованные от производных (аффиксальных и сложных) прилагательных и адъективированных причастий (типа *bestudьně, blagověгьně, dobroumivě, av'leně*, и др.). Как показывает анализ распределения наречий по рукописям, употребление таких наречий было связано с деятельностью — переводческой и редакторской — преславских книжников: они не только обнаруживаются в списках с произведений, переведенных в Преславском центре, но также наблюдается более или менее последовательная замена наречий «на -о» наречиями

«на -ѣ» в списках, носящих следы редактирования преславскими книжниками (ср., например, характерную замену в апостольском чтении Евр 1,1: Πολυμερῶς καὶ πολυτρόπως πάσαι ὁ Θεὸς λαλήσας τοῖς πατέρας ἐν τοῖς προφήταις — многочѣстѣно и многоразлично . древе главь бѣ оцѣмъ прѣкы — многочѣстѣнѣ и многоразличнѣ . дрѣвле бѣ главь къ оцѣмъ нашимъ . прѣркъ).

Наречия с суффиксом -у, образованные от непроизводных прилагательных, в старославянских рукописях единичны (malу, pravу). Большинство же наречий с суффиксом -у образуются от прилагательных с суффиксом -ъsk- (anġelъsky, cĕsarъsky, и др.), причем характерно образование от прилагательных с суффиксом -ъsk- в относительном значении. По мере становления старославянского лексического инвентаря возрастало и количество в нем наречий «на -ъsky» (в евангельском тексте из них употребляются лишь пять наречий и только со значением отношения к какому-либо народу или языку: evreġъsky и evrġġъsky, grġġъsky, latinъsky, rumъsky). Наряду у многих наречий «на -ъsky» как непосредственной мотивации прилагательным, так и опосредствованной мотивации существительным создавало предпосылки к осознанию древними книжниками комплекса фонем [ъsky] в качестве единой словообразовательной морфемы и делало возможным образование наречий с ее помощью непосредственно от существительных (например, рьъ 'пес' → рьъsky 'по-песни, по-собачьи' в отсутствие в старославянском лексическом инвентаре прил. *рьъsky).

В отличие от наречных суффиксов -ѣ, -у и -ъsky, давших в старославянском языке массу новообразований, наречный суффикс -ъ обнаруживается, главным образом, в архаичных лексемах. С точки

зрения морфемной и словообразовательной структуры старославянские наречия «на -ь» можно разделить на три вида: 1) однокорневые наречия, не вычленяющие других аффиксов кроме наречного суффикса -ь; 2) двукорневые или префиксальные наречия, предположительно восходящие к праславянским двукорневым или префиксальным чистым сложениям, первый компонент (корень или префикс) которых идентифицируется либо путем сопоставления с другими старославянскими лексемами, либо только путем этимологического анализа; 3) префиксально-суффиксальные наречия, словообразовательно мотивированные в рамках старославянского лексического фонда. Благодаря наличию в старославянском языке наречий «на -ь» последнего вида правомерно говорить о функционировании в нем суффикса -ь в качестве словообразовательной морфемы, идентифицируя его как наречный суффикс и в лексемах первых двух видов.

В **Заключении** подводятся основные итоги проведенного исследования. Настоящее исследование показало необходимость при изучении старославянской словообразовательной морфемки соблюдения исследовательских принципов и применения исследовательских методик, предложенных и рассмотренных в двух первых главах диссертации. Старославянский лексический инвентарь исследовался нами как лексический фонд литературного языка особого — средневекового — типа. В центре внимания были особенности словообразовательных процессов, отличающие старославянское словообразование от словообразования в современных славянских литературных языках. Как показало исследование, для изучения старославянской словообразовательной морфемки существенно

различение лексики, вошедшей в старославянский язык из народной славянской речи (часто это сопровождалось усложнением ее семантической структуры, называемым палеослави́стамп или *excessive semantic identification*, или транспозицией), и новой лексики. Последняя состояла как из заимствованных целиком лексем, так и из лексем, создававшихся самими древними книжниками на базе славянских или греческих корневых морфем и славянских словообразовательных морфем. Словотворчество древних книжников задействовало собственно славянские словообразовательные механизмы, но часто происходило под сильным влиянием языка греческих оригиналов переводимых текстов. Хорошо владевшие греческим языком, древние книжники использовали греческие лексемы в старославянских словообразовательных процедурах различным образом. В старославянском лексическом инвентаре достаточно широко представлены и лексемы, образованные с помощью славянских словообразовательных морфем от производящих основ греческого происхождения, и лексемы, образованные путем калькирования или с элементами калькирования. Влияние языка греческих оригиналов на их образование проявлялось не только и не столько в прямом калькировании греческих лексем (что традиционно было в поле зрения палеослави́стов), сколько в выборе и дальнейшей разработке в качестве приоритетных исконно славянских словообразовательных моделей.

В задачи исследования входило выявление условий функционирования словообразовательных морфем в старославянском языке и определение их места в старославянской словообразовательной системе. Это место в значительной мере определяется продуктивностью и конкурентоспособностью словообразовательной морфемы. Основным

показателем продуктивности морфемы мы считали ее включенность в процесс образования новых лексем, которые предназначались древними книжниками как для обозначения ранее не известных в славянском мире понятий и реалий, так и для замены гречизмов или славянских слов, даже уже вошедших в старославянский язык из народной славянской речи, но не удовлетворявших их, видимо, своей простотой. Исследование показало, что не все продуктивные славянские аффиксы, унаследованные старославянской словообразовательной системой, демонстрировали в ней высокую продуктивность (например, суффиксы существительных *-in(a)*, *-ot(a)*, суффиксы прилагательных *-ĕn-*, *-at-*, именные префиксы *pa-*, *sq-*, *q-*), в то время как другие аффиксы стали высокопродуктивными именно в старославянском языке (например, суффиксы существительных *-tel'(b)*, *-at'(b)*, суффиксы прилагательных *-ov-*, *-ysk-*, суффиксы наречий *-ĕ-*, *-y-*). Показателем продуктивности таких суффиксов как *-bnik(b)*, *-in(b)*, *-ic(a)*, *-bnic(a)*, *-yn(i)*, *-in(a)*, *-bj(e)*, *-ystv(o)*, *-iv-*, *-ysk-*, *-yn-* мы считали и их участие в специфических словообразовательных процедурах, которые назвали «удвоенной аффиксацией» и «обновлением». Учитывая особые условия формирования старославянской словообразовательной системы, свидетельством продуктивности словообразовательной морфемы мы считали ее способность к сочетаемости с основами греческого происхождения — как с основами старославянских гречизмов, так и с основами греческих лексем, взятых в процессе перевода непосредственно из текста греческих оригиналов. В наибольшей мере такую способность обнаруживают суффиксы существительных *-ĕnip(b)/-(j)anin(b)*, *-yn(i)*, *-ystv(o)*, суффиксы прилагательных *-ov-*, *-in-*, *-ysk-*.

При создании новых слов путем калькирования греческих соответствий древние книжники использовали старославянские слово-

образовательные морфемы, введшие кальки в круг слов определенной славянской структуры, поэтому калькирование последовало нами в качестве специфической словообразовательной процедуры, характерной для старославянского словообразования. Отмеченные нами многочисленные случаи неполного соответствия морфемных и семантических структур старославянского и греческого слов свидетельствуют о том, что старославянское калькирование представляло собой относительно самостоятельную старославянскую словообразовательную процедуру, причем несоответствие морфемных структур во многих случаях обуславливалось указывающим на частеречную принадлежность суффиксальным оформлением старославянской лексемы при отсутствии такового у лексемы греческой. Исследование показало, что в процедурах калькирования участвовали не все словообразовательные морфемы: при образовании наименований лица в кальках наиболее часто используется суффикс -ьс(ь), значительно реже суффикс -tel'(ь), еще реже — суффикс -(ьn)ik(ь); при образовании неодушевленных существительных наиболее часто используется суффикс -ьj(e), реже суффикс -ьstv(o); при калькировании прилагательных наиболее часто используется суффикс -ьп-, реже суффикс -iv-. Образования с другими суффиксами либо единичны, либо не встречаются совсем.

Процесс становления старославянской морфемки сопровождался формированием суффиксальных комплексов, к которому приводило частое сочетание словообразовательных морфем с производящими основами определенного типа. Эти комплексы осознавались древними книжниками как цельные значащие части слов и начинали использоваться ими в качестве единых (новых) словообразовательных формантов. Таким образом сформировались

суффиксы существительных -ьпик(ъ) (который функционировал уже на самом раннем этапе становления старославянского языка), -ьпис(а), -епь(е), -пъ(е), -тъ(е), наречный суффикс -ьску.

С перенесением в эпоху царя Симеона основного центра славянской письменности в район г. Преслава связано не только кардинальное расширение лексического инвентаря старославянского языка, но и обретение некоторыми словообразовательными морфемами статуса особых примет языка преславских книжников. Такими приметами стало употребление наречного суффикса -ѣ в сочетании с аффиксальными и сложными производящими основами, суффикса прилагательных -iv- (первоначальное специфическое словообразовательное значение которого постепенно стирается по мере развития старославянского языка), а также суффикса -ьiv-, неупотребительного на начальной стадии формирования старославянского языка.

В процессе исследования функционирования в старославянском языке конкретных, отдельно взятых морфем становилось все более очевидной необходимость изучения их в соположенности, в качестве взаимозависимых элементов словообразовательной морфемки определенных частей речи как особых микросистем. В рамках данного подхода выявляется такая важная характеристика словообразовательной морфемки, как распределение функциональной нагрузки между морфемами, которое претерпевало изменения по мере пополнения лексического инвентаря старославянского языка. Некоторые морфемы значительно увеличивали свою продуктивность и конкурентоспособность, что выражалось не только в образовании с их помощью новых слов, но и в расширении сферы их взаимодействия с производящими основами путем вовлечения в нее основ,

ранее не сочетавшихся с данными словообразовательными морфемами, — основ с другим типом семантики, основ греческого происхождения, основ других частей речи. Иначе говоря, развитие старославянского языка сопровождалось усилением «словообразовательной валентности» определенных старославянских морфем. Тем самым создавались ситуации экспансии словообразовательных морфем в изначально не свойственные им сферы. Примеры такой экспансии демонстрируют суффикс существительных -ьник(ъ), суффиксы прилагательных -ьск- и -ов-, наречный суффикс -у́. Некоторые тенденции к перераспределению функциональной нагрузки на словообразовательные морфемы можно заметить даже в области калькирования (в частности, образовании *nomina abstracta* с помощью суффикса -ьstv(o) можно рассматривать как экспансию суффикса -ьstv(o) в «сферу действия» суффикса -ьј(e), объясняя ее попытками древних книжников создать «более удачные» кальки, с более яркой значащей последовательностью фонем [ьstv], чем в суффиксе -ьј(e) — см. п. 3. 12. и 3. 13.).

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

1. Старославянская словообразовательная морфемика. М., 2006, 366 с.
2. О значении наречий *вельми*, *мъного* и *зѣло* в языке старославянских рукописей // Этимология 1986–1987. М., 1989. С. 32–36.
3. О старославянских наречиях, мотивированных существительными // Советское славяноведение. 1989. № 2. С. 74–84.

4. Об употреблении непроизводных наречий в языке старославянских рукописей // *Palaeobulgarica*. 1991. (XV). № 2. С. 32–36.

5. Старославянские отадъективные наречия с суффиксом *-ѣ* // *Советское славяноведение*. 1991. № 3. С. 71–80.

6. О некоторых тенденциях развития литературного языка в произведениях Иоанна Экзарха Болгарского // *Традиция и новые тенденции в развитии славянских литературных языков: проблема динамики нормы*. Тезисы докладов международной научной конференции. Москва, 24–26 мая 1994 г. М., 1994. С. 24–26.

7. Лексика со значением речи в старославянском языке. I. Слова с корнями *-вѣт-*, *-вѣд-*, *-каз-* // *Славяноведение*. 1996. № 1. С. 18–30.

8. Лексика со значением речи в старославянском языке. II. Слова с корнями *-рек-*, *-глас-*, *-глагол-* // *Славяноведение*. 1997. № 5. С. 22–33.

9. О некоторых тенденциях развития первого литературного языка славян в произведениях древнеболгарских писателей (на материале отадъективных наречий) // *Проблемы славянской диахронической социолингвистики: динамика литературно-языковой нормы*. М., 1999. С. 23–67.

10. О некоторых проблемах морфемного членения в старославянском языке // *Славяноведение*. 1999. № 2. С. 67–78.

11. О значениях форм компаратива в языке древнеболгарских рукописей X–XI вв. // *Съпоставително езикознание*. 1999. № 4. С. 75–81.

12. К характеристике книжной лексики в первом литературном языке славян // *Роль библейских переводов в развитии литературных языков и культуры славян*. Тезисы докладов международной научной конференции (Москва, 23–24 ноября 1999 г.). М., 1999. С. 24–26.

13. Об употреблении прилагательных в роли существительных в старославянских текстах // Славяноведение, 2000. № 1. С. 56–69.

14. О выражении значения суперлатива формой компаратива в старославянском языке // Folia slavistica. Рале Михайловне Цейтлин. М., 2000. С. 42–46.

15. К характеристике книжной лексики в первом литературном языке славян (роль перевода Апостола) // Роль переводов Библии в становлении и развитии славянских литературных языков. М., 2002. С. 249–288.

16. Проблема реконструкции лексического фонда старославянского языка // Славянский альманах. 2001. М., 2002. С. 462–470.

17. К вопросу о продуктивности старославянских морфем // Палеославистика. Лексикология. Лексикография. Тезисы международной научной конференции, посвященной памяти Р. М. Цейтлин, 27–29 ноября 2002 г. М., 2002. С. 22–25.

18. О методике изучения влияния языка греческих оригиналов на словообразовательные процессы в старославянском языке // Проблемы изучения межъязыковых влияний в истории славянских языков и диалектов: социокультурный аспект. М., 2004. С. 37–43.

19. О влиянии языка греческих оригиналов на словообразовательные процессы в старославянском языке // Славяноведение. 2004. № 4. С. 35–47.

20. К вопросу о лексическом выражении отрицания в старославянском языке // Slavica. 2005. Roč. 74. Seš. 2–3. S. 251–264.

Подписано в печать 13.06.2006

Объем 2,5 п.л. Тираж 100 экз.

Компьютерный центр ИСл РАН – ritlen@mail.ru

